18+

Тень на склоне магии

Тропа между тенями

Юрий Гринько

Юрий Гринько

Тропа между тенями

Серия «Тень на склоне магии», книга 2

https://litres.ru/72304891
ISBN 9785006772878

Аннотация

Крас хотел просто выжить.

Но город быстро научил его: здесь слабость замечают раньше, чем страх. Воровская гильдия, опасные поручения, чужие тайны и потери, к которым невозможно привыкнуть, постепенно меняют мальчика, заставляя взрослеть раньше времени.

«Тропа между тенями» — история о страхе, выборе и цене выживания в мире, где магия скрывается в тени, а за любую ошибку приходится платить.

Содержание

Предисловие 5
Пролог 6
Глава 1 — Хлеб и тени 9
Глава 2 — Плакаты и замки 30
Глава 3 — Друзья в тенях 49
Глава 4 — Кости и тайны 75
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Тропа между тенями

Юрий Анатольевич Гринько

© Юрий Анатольевич Гринько, 2026

ISBN 978-5-0067-7287-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я писал эту историю в первую очередь для себя. Мне было интересно наблюдать, как меняется герой, куда его ведёт мир, что он теряет и что проносит с собой. Каждая книга — часть пути, и *«Тропа между тенями»* — следующая остановка. Спасибо, что вы здесь.

«Тропа между тенями»* — вторая книга четырёхтомного цикла *«Тень на склоне магии», история мальчика, который всё ещё ищет, не зная, что несёт в себе.

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена, передана, опубликована или сохранена в любой форме без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в рамках закона.

Это художественное произведение. Все персонажи, события и места вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или обстоятельствами — случайны.

Пролог

Скрип дерева заставил меня проснуться. Пещера жила своей жизнью — где-то капала вода, слышались разговоры воров. Я провел рукой по голове и вздрогнул — кожа была гладкой, как отполированный речной камень. Ни единого волоска. Лорн велел сбрить их вчера, когда поползли слухи о «мальчишке-убийце».

— Без волос ты тень, а не человек, — сказал он.

Ветка, не церемонясь, прошелся бритвой по моей голове, пока Моль смеялся в углу.

Угли в костре тлели, отбрасывая слабый свет на блестящие от влаги стены. Рыжий кот спал у огня, свернувшись в клубок. Его хвост подрагивал, как пламя свечи.

Я натянул одеяло до подбородка, как будто тонкая ткань могла меня защитить. Пустая надежда. В груди уже зарождалась знакомая, тупая боль. Я знал, почему. Он уже шел. Тот самый сон.

Я закрыл глаза, и он накрыл меня. Я снова стоял в храме Релвины. На стенах горели факелы, но их свет был холодным, как лед. Впереди, в холле, стоял отец. Он выглядел так же, как в тот день, когда в первый раз взял меня на охоту, но лицо… Лицо было мертвым. Кожа серая, губы сжаты, а глаза горели зеленым, будто в них зажгли болотный огонь. Он смотрел не на меня, а куда-то в пустоту, и от его взгляда

по спине бежали мурашки.

За ним клубились тени в туманных мантиях, заполняя тишину вокруг хором голосов.

— Склонись перед богиней, — одна и та же фраза звенела в голове раз за разом.

Я хотел позвать отца, но не мог вымолвить ни слова. Одна из фигур повернулась, и я увидел скрывающую лицо деревянную маску. Тень держала нож с блестящим лезвием. Я знал, что это для меня, но отец даже не шевельнулся. Он стоял, глядя сквозь меня, и зеленые огоньки в его глазах мигали, как звезды.

Я попятился, и плиты пола под ногами треснули. Я полетел вниз, в пустоту. Во сне дар богини не помогал — храм исчез. Вместо него появилась черная река, грохочущая течением. На берегу стояла мама, ее рыжие волосы были единственным ярким пятном на фоне темно-серого пейзажа. Она шептала что-то, но я не слышал слов — только видел, как ее пальцы сжимают переливающийся мешочек, покрытый рунами.

— Спасайся, Крас, — наконец разобрал я и бросился грести к маме. Но река поднялась, захлестнула меня и унесла прочь.

Я подскочил на тюфяке, хватая ртом воздух. Я не тонул, это был всего лишь сон. Сердце колотилось, будто хотело вырваться из груди. Пещера была той же — кот спал, угли тлели, где-то в туннеле кашлял Крот. Я снова провел рукой по

голове, чувствуя гладкую кожу, и сжал кулаки. Это был не просто сон. Скорей послание Релвины. Шутка богини, служившая напоминанием о храме, о ней, о даре…

Я лег обратно, глядя в потолок. Тени от костра танцевали, как фигуры в мантиях из сна. Велград наверху спал, но я знал — он никогда не уснет для меня. Городская стража и ее поиски, Лорн и его планы, гильдия, — все это ждало меня. И еще этот сон, который не отпускал.

Я сжал амулет с желтой короной и поклялся, что найду ответы. О родителях, о Релвине, о том, почему я был избран ей.

Глава 1 — Хлеб и тени

Пещера дышала сыростью, словно огромное, спящее под землей существо. С потолка глухо и безразлично падали капли, отмеряя время. Костер трещал. Его искры летели на мокрую солому и гасли, а дым, смешавшись с запахом пота, хлеба и плесени, уползал в дыру над головой. Я вдохнул — и тут же поморщился.

Сидя на койке, я чувствовал, как колется солома.

Голова мерзла, гладкая, как речной камень. Мне казалось, с меня срезали не только волосы, но и то, кем я являлся. Меня самого.

Крас. Сын Габа и Мари. Мальчишка с болот.

Теперь я здесь, под Велградом, в этой норе, пропахшей дымом. Среди воров, называющих пещеру домом.

Двадцать человек, может больше, заполняли ее разговорами, кашлем и сплетнями. Мало кто смотрел на меня — для них я был просто новичком, очередной тенью, что скоро либо проявит себя, либо исчезнет.

У костра сидел Моль. Жилистый, с лицом, будто его кто-то вырезал из куска коряги. Он жевал — то ли хлеб, то ли сопли — и хвастался, как обобрал какого-то купца. Он смеялся, а холодные глаза искали, кого бы задеть. Он мне не нравился…

Нут был худой, нескладный, с вечно растрепанными во-

лосами, казавшийся выше своих сверстников. Он точил нож, косясь на Моль, словно ждал издевки.

Все они двигались, говорили, дышали. А я просто сидел, точно меня здесь и не было.

Нут, проходя мимо к костру, едва не наступил на мою ногу. Он вздрогнул, отпрянул и уставился на меня, хлопая глазами.

— Тьфу ты! — выдохнул он, прижимая руку к груди. — Ты чего тут затаился? Я тебя в упор не видел, пока ты не шевельнулся.

Я ничего не ответил, лишь пожал плечами. Я не таился. Просто сидел.

Игла прислонилась к стене, полируя тонкий стилет. Ее длинные пальцы двигались ловко. Так, что казались живыми тенями. Игла была невысокой, с короткими чёрными волосами и взглядом, с которым не хотелось встречаться.

И вдруг я понял: я единственный здесь без оружия. Даже Нут, вечно сутулый, держал свой нож, как будто знал, куда им ткнуть. А я? У меня — ни ножа, ни причины быть здесь. Только имя.

Седой и сгорбленный Крот ковырял угли своей сучковатой палкой, потом взглянул на Ветку с укоризной:

— Для того, кто так бережет отмычку, ты уж больно часто лезешь в чужие карманы.

Я смотрел на Ветку, и мне казалось, что ничто не сможет отвлечь его от своего занятия. Ни подначки Крота, ни смех,

ни ругань. Свою кличку он вполне мог получить в честь своих рук — длинных, тонких, с юркими пальцами.

Крот усмехнулся, шевельнул бородой и снова уставился в огонь.

Другие воры жили своей жизнью. В углу, у каменной и заросшей мхом стены двое играли в кости, громко споря из-за ставки. Один, с уродливым шрамом через всю щеку, хлопал по колену, хохоча, а второй, лысый, шипел, хватаясь за нож на поясе. И я подумал: если кто-то сейчас встанет, начнется бойня.

У дальней койки старик с косичкой читал книгу в кожаном переплете. Свеча у его локтя едва теплилась, оплывая воском, но я отчетливо видел каждую букву на пожелтевшей странице, словно читал сам, хотя нас разделяло полпещеры. «И тогда тени восстанут…», — шептал он, шевеля губами, точно маленький ребенок. Рядом двое воров ругались, тыча друг в друга пальцами. Первый орал, что срезанный кошелек был заметно тяжелее, второй, с повязкой на глазу, огрызался, что не брал это дерьмо. У входа в туннель женщина со светлыми волосами точила кинжал. Ее точильный камень скулил, как умирающий зверь. А у костра, свернувшись в клубок, спал рыжий кот — Пыль, как звал его Нут, или Грязь, как дразнил Моль. Кот был талисманом, и даже Моль не смел его тронуть.

Я смотрел на них и чувствовал себя чужим. Эти люди — воры, тени Велграда — были теперь моей семьей, но я не

знал, как к ним подступиться. Каждый раз, закрывая глаза, я вспоминал родителей: видел маму, ее длинные волосы и широкоплечего отца. Слышал голос папы: «Живи честно, Крас». Честность не спасла их. Не спасла меня. Я сжал мешочек с семенами под рубахой, чувствуя, как руны, вырезанные на них, впиваются в кожу. Мама хотела сохранить их, но я не знал зачем. Амулет с желтой короной, что висел рядом, был моей второй тайной. Лорн думал, что я его выбросил, как он и велел, но я не смог. Я спрятал его под рубахой, надеясь, что никто не заметит.

Шаги Лорна, раздавшиеся из туннеля, заставили пещеру затихнуть. Его сапоги шуршали по соломе, плащ колыхался, как крылья ворона. Он остановился у костра, и свет огня отразился в его темных глазах. Рыжий кот поднял голову, будто разбуженный наступившим молчанием.

— Крас теперь один из нас, — сказал Лорн, и его голос заполнил пещеру, заглушая капли и шорохи. — Я буду называть его Тень.

Он помолчал, глядя на меня, и добавил:

— Вы помните кобылу — Тень. Ловкую и верную нашу помощницу, что померла в пути. Негоже такому звучному имени пустовать.

Воры зашептались, кто-то хмыкнул, а Моль расхохотался, хлопнув в ладоши.

— Тень? — фыркнул он, сверкая кривыми зубами. — Это что, за то, как он четверых зарезал? Тень, а кровь, поди, ре-

кой лилась!

Смех прокатился по пещере, даже Нут опустил голову, пряча улыбку. Игроки в кости замолчали, глядя на меня, а старик с книгой лишь на секунду поднял глаза, но тут же вернулся к своим желтым страницам. Я почувствовал, как щеки горят, и стиснул кулаки. Или зубы. Уже не помню. Кличка звучала как насмешка. Как ярмо, что Лорн надел на меня. Тень. Не Крас. Не сын Габа и Мари. Просто тень.

Игла ткнула меня в бок, другой рукой подбросив чёрную игральную кость.

— Не тушуйся, щенок, — шепнула она, но в ее голосе было что-то вроде тепла. — Моль всех дразнит. Привыкнешь.

Я кивнул, но внутри все кипело. Крот встал, его табуретка скрипнула, и махнул в сторону стены, увешанной плакатами. Желтые листы, старые и новые, лепились друг на друга, как чешуя. Некоторые так выцвели, что лица едва угадывались.

— А вот и твоя слава, — хрипло сказал Крот, ткнув пальцем в свежий розыскной лист. — Лина его сегодня ночью притащила. Заработал всего за один день. Задержись вы с Лорном в пути еще немного, и оба, скорее всего, уже сидели бы в городской тюрьме.

Сидевшая поодаль светловолосая женщина, услышав свое имя, улыбнулась и лениво подняла руку в приветствии.

Я сглотнул, глядя на рисунок. Острые скулы, глаза, как у волчонка, загнанного в угол. «Мальчишка-убийца, темные волосы, худой. Подозревается в шпионаже», — гласила над-

пись. Это был я.

Игла хмыкнула:

— У многих тут своя бумажка. Гордись, парень.

Но гордости не было. Только холод в груди. Что, если кто-то узнает меня по этому рисунку и сдаст страже?

Лорн хлопнул в ладоши, и воры притихли, даже ругань в углу смолкла.

— Хватит бездельничать, — сказал он. — Ветка, Нут, берите Тень на рынок. Пора ему учиться.

Ветка, будучи «старшим» вором, кивнул, не отрываясь от заточки крючка отмычки, а Нут засуетился, чуть не уронив нож. Моль скривился, будто проглотил кислятину, но промолчал.

Насколько я понял, Ветка отвечал за обучение. Именно он каждый день отправлялся с очередной парой новичков на рынок, «учиться», как говорил Лорн.

Крот повел нас к углу, где лежала куча тряпья — старые плащи, рубахи, штаны, сапоги, пахнущие плесенью и потом.

— Выбирай, Тень, — сказал он, ткнув палкой в кучу. — Для дела нужна одежда, в которой ты растворишься в толпе.

Я опустился на колени, роясь в тряпках. Они липли к рукам, словно мокрые или измазанные чем-то липким.

Кто-то из них был в этом до меня. Или не один. Я даже попытался не думать, что это за пятна. Я вытащил серый плащ с рваным плечом и пару сапог с мягкой подошвой. Они откровенно воняли, но сидели удобно. Моль хмыкнул, стоя у

костра:

— Тень? Скорее Лохмотья! Глянь, Крот, наш герой в обносках!

Кто-то снова засмеялся. Я стиснул зубы, готовый взорваться от унижения, но тут Лина, до этого молча наблюдавшая за сценой, встала и подошла ко мне. Она ничего не сказала, лишь молча повязала мне на шею простой серый платок, который пах какими-то травами. Ее пальцы случайно коснулись моей шеи, и я почувствовал, как щеки вспыхнули. Я зарделся, но мысленно поблагодарил ее за эту неожиданную поддержку. Я втиснулся в плащ. Хотел что-то ответить Моли, но в очередной раз промолчал. Плащ был тяжелым и скрывал меня, как кличка, которой меня наградил Лорн.

Мы вошли в туннель, где стены блестели от покрывающей их влаги. Факел Ветки чадил, отбрасывая дрожащие тени на свод. Потолок подпирали старые и потемневшие балки деревянной надстройки. Я шёл за ним, чувствуя, как сердце стучит, и старался не задеть головой торчащие перекладины. Впереди, в полной тьме, я отчетливо видел лучника. Для Ветки и Нута там была лишь черная пустота, но я видел его скучающее лицо, то, как он подпирает плечом холодную стену и лениво перекатывает во рту травинку. Он стоял неподвижно, ориентируясь на наш огонь. Лучник коротко кивнул Ветке, провожая нас взглядом. Нут шёл последним. Его дыхание было прерывистым, будто он чего-то боялся.

— Не отставай, Тень, — бросил Ветка, не оборачиваясь.

Я кивнул, хотя он не мог меня увидеть, и сжал кулаки, чтобы унять дрожь. Что бы сказал отец, увидев меня здесь? Вор, снующий под землей, как крот. Я вспомнил его руки, шершавые, как кора. Или как сухая земля в июне. Нет, не так — просто руки. Тёплые руки отца. «Работай честно, Крас», — говорил он. И теперь я здесь. В сырости. С плащом, что воняет нечистотами. Слишком поздно, отец. Жив ли ты?..

Туннель закончился у лестницы, ведущей к поверхности. Железные перекладины были скользкими, покрытыми ржавчиной, и я отчаянно цеплялся за них, боясь упасть. Ветка лез первым. Нут пыхтел сзади, что-то бормоча.

Наверху, в колодце, было светло — утреннее солнце пробивалось через щели, отбрасывая тонкие лучи на каменные стены. Ветка толкнул крышку, и мы выбрались во двор Дарина. Он был тесным, зажатым глухими стенами складов, что возвышались вокруг. Ни окон, ни дверей — только камень, дерево и земля под ногами.

Солнце, едва поднявшееся над крышей одного из складов, освещало двор бледным светом. Лужи на земле блестели, пахнущие гнилью, мокрой землей или картошкой. Не знаю, в нос било так же. Дарин ждал у колодца, его худое лицо казалось изможденным. Глаза скользнули по моей выбритой голове, но он ничего не сказал.

— Не попадитесь, — буркнул он, сунув мне булку свежего хлеба. — И возвращайтесь до заката.

Булка была теплой, корочка хрустела под пальцами. Я раз-

ломил ее, отдав куски Ветке и Нуту. Ветка жевал молча, глядя на склады, а Нут улыбнулся, будто это был пир. Я отправил свой кусок в рот и обомлел — это было очень вкусно. Настоящий хлеб из пшеницы, а не то, что мы пекли на болоте.

— Как дома, а? — шепнул он. Я кивнул, но дома не было. Только пещера и этот город, что хотел меня поймать.

Из двора через узкий проход, где воняло тухлой рыбой и углем, мы вошли в пустой холл гостиницы и через двери вышли на улицу. Я снова поразился тому, что стены домов, далекие шпили храмов и даже мостовая были из камня. Грязь под ногами была чужой — не мягкой и живой, а острой, смешанной с углем и мусором. Уши, привыкшие к шелесту камыша и крикам птиц, глохли от гомона толпы и скрипа телег. Утренний Велград был полон жизни — переулки, кривые и заваленные отходами, гудели голосами. Дома нависали, становясь шире с каждым этажом. Солнце скрывалось за дымом, что поднимался из труб, и запахи смешивались — гарь, жареные каштаны, пот рабочих, что тащили телеги. Я держался ближе к Ветке, стараясь не споткнуться о булыжники, торчавшие из грязи. Нут шел сзади, его сапоги чавкали в лужах. В одной плавала обглоданная кость. Может, куриная.. Я слышал, как Нут бормочет:

— Только бы на стражу не попасть…

Ветка обернулся, зло глянув на молодого вора.

— Тише, — прошипел он. — Если будешь шуметь, сам

объяснишься с Гедриком.

Нут замолк, и я почувствовал, как спину пробирает холод. Гедрик. Имя, что в пещере звучало как проклятье.

Рынок встретил нас гулом, словно река в ледоход. Солнце поднималось выше, заливая телеги светом, отчего рыба на прилавках ярко блестела. Торговцы кричали, расхваливая товар, толпа текла, и я чувствовал, как пот стекает по спине. Запахи били в нос — жареное мясо, сырая рыба, специи, что щекотали горло, и дым от жаровен, где пекли лепешки. У рыбных рядов я заметил несколько худых уличных котов, которые с интересом наблюдали за лотками. Я понял, что мы с ними делаем одно дело — выжидаем, наблюдаем и готовимся схватить то, что плохо лежит.

Среди торговцев и покупателей я увидел и солдат мэра. В серых плащах, лениво оглядывающих толпу. У каждого из них на поясе было по мечу. Рядом, у телег, стояли гвардейцы лорда в черных доспехах, со шлемами, отражавшими солнце и скрывавшими лица. Они о чем-то громко спорили со стражей с сером, тыча пальцами друг в друга. Люди обходили их стороной, будто боялись искры, что может разжечь пожар. Я опустил голову, натянув капюшон плаща, и сжал мешочек с семенами. Плакат с моим лицом был где-то там, в карманах стражи, на каменных стенах домов. Если они меня узнают…

Ветка остановился у перекрестка, где было наиболее людно.

— Держи руки свободно, Тень, — сказал он негромко, с той лёгкой усмешкой, с которой взрослые объясняют очевидное ребёнку. — Выбери того, кто не смотрит по сторо-

нам, кто отвлечён. Будь внимателен. Смотри, как делают старшие.

Он кивнул в сторону усатого торговца, что продавал глиняные горшки, громко расхваливая их прочность. Ветка прошел мимо торговца, и вдруг будто случайно споткнулся, слегка задев его плечом. Горшки на телеге звякнули. Торговец обернулся с ругательством, но Ветка уже выпрямился, развёл руками и пробормотал оправдываясь:

— Простите, оступился.

Голос его звучал так искренне, что торговец, буркнув что-то, снова повернулся к покупателям.

Я подумал, что Ветка попробует теперь подойти к торговцу рыбой, но вор сделал круг вдоль других лавок, лавируя между телегами и людьми. Затем вернулся к нам, засунув руки в карманы, словно и не уходил вовсе. Он раскрыл ладонь и показал несколько медных монет.

— Видели? — сказал он с ленцой. — И не нужно сильно прижиматься.

Нут присвистнул, его глаза округлились.

— Я думал, ничего не получилось, — шепнул он, качая головой. — Ты как призрак!

Ветка хмыкнул, спрятал монеты и на секунду задумался. Перевёл взгляд с Нута на меня. Будто прикидывал кого из нас выбрать первым.

— Ладно… — протянул он. — Нут, ты пока обожди. Пускай новичок попробует.

Он повернулся ко мне.

— А ты, парень, идёшь. Начни с малого. Найти того, кто тебя не видит.

Мой взгляд сразу приметил купца в толстой шубе. Это было безумие — первая попытка, и сразу такая рискованная цель. Но Ветка сказал найти момент, когда тебя не видят, а этот купец был так поглощен своей яростью, так орал на торговца рыбой, что, казалось, не замечал ничего вокруг. Может, в этом и был мой единственный шанс? Его туго набитый кошелек качался на поясе на виду у всей улицы.

Нут, бледный, как мука, теребил рукав. Я слышал, что он провел в пещере уже год, но нервничать, похоже, так и не перестал. И все же, сейчас он держался увереннее, чем я. Нут шепнул мне:

— Давай, Тень.

Я шагнул вперед, сердце колотилось, будто хотело вырваться. Шаг, еще шаг. Толпа сомкнулась за моей спиной. Я был так близко, что видел капли пота на шее купца, слышал его хриплый голос. Я чувствовал, как у меня по спине тоже течёт — но от страха. Мой пот смешивался с вонью плаща и меня стало мутить. Моя рука потянулась к кошельку, но тут же замерла, не слушаясь. Пальцы, которые отец учил ставить силки и чинить сети, отказывались делать это грязное дело. Они будто принадлежали другому человеку — тому мальчику с болот, которого больше нет. Тот, кто стоял здесь, должен был заставить их подчиниться. Заставить, или распрощать-

ся с теми, кто принял меня к себе. «Живи честно, Крас», — снова услышал я голос отца в голове. Ну да. Всё честно. Пока не проголодаешься или стражник не схватит за руку. Сколько я тут продержусь один? Неделю? День? Может, час?

Я стиснул зубы, пытаясь силой воли заставить руку двинуться, но ноги будто приросли к земле. Мелькнула мысль — чёрт, зачем я вообще поехал в город? Молодец, Крас. Умник. Но я остановил себя — сейчас не время думать о болоте.

Кто-то толкнул меня в спину, и я споткнулся, заскользив по мокрым булыжникам. Мальчишка моего возраста, с грязным лицом и короткими волосами, поймал меня за руку, не дав рухнуть на камни. Он пробормотал:

— Осторожней, парень.

Я хотел ответить, но он уже исчез в толпе, мелькнув среди других детей — худых, с голодными взглядами, в разноцветных лохмотьях не по размеру. Многие из них были босы. Я выпрямился и понял, что стою вплотную к купцу. Он резко обернулся, его маленькие глаза впились в меня как крючья. Винный перегар ударил в лицо.

— Ты что, щенок, кошелек мой решил спереть? — рявкнул он. Его лапа, похожая на окорок, мертвой хваткой вцепилась в мой плащ у груди. Я дернулся, но не сдвинулся ни на миллиметр. Мир сузился до его перекошенного от ярости лица. Толпа вокруг загудела, превратившись в стену из любопытных и осуждающих лиц.

— Вор! — выкрикнул кто-то.

— Держи его! — подхватил другой.

Я увидел, как стражник в сером теперь смотрел прямо на меня. Он оттолкнулся от телеги и начал медленно, с усмешкой, двигаться в нашу сторону. Паника ледяной волной прокатилась по телу. Все кончено. Плакат. Гедрик. Меня повесят на городской площади. Или обезглавят? Жаль, у меня нет ножа. Я бы пырнул его. Наверное, сумел бы… Я рванулся еще раз, со всей силы, но купец лишь рыкнул и встряхнул меня, как тряпичную куклу.

Вдруг кто-то врезался в купца сбоку, и его хватка ослабла. Худощавая фигура Ветки мелькнула в толпе. Он пихнул купца плечом, пробормотав:

— Простите, не углядел!

Купец заорал, замахиваясь кулаком, но Ветка уже схватил меня за локоть и потащил. Мы рванули через толпу. Я спотыкался, ноги путались, пока он тащил меня между телегами, где запах жареного мяса бил в нос. Толпа сомкнулась за нами, заглушая вопли купца. Я слышал, как стражник крикнул:

— Эй, стоять!

Мы прорывались через рынок пару минут, лавируя между телегами и людьми, пока наконец не свернули в узкий переулок, где запах дыма смешивался со сладковатым ароматом свежей выпечки, доносившимся из пекарни за углом. Ветка отпустил мой локоть и обернулся, его глаза сверкнули злостью.

— Ты что творишь, Тень? — прошипел он. — Хочешь, чтобы стража нас всех повязала? Стоял, как столб, прямо перед ним!

Нут, задыхаясь, догнал нас. Его лицо было бледнее обычного.

— Я думал, он тебя удавит, — выдохнул он, хватаясь за бок. — Хорошо, Ветка успел.

Я кивнул, грудь вздымалась как у загнанной лошади. Я не знал, что ему ответить. В тот миг я мысленно прощался с жизнью, паниковал, мечтал о чуде, но ни на мгновение сам не приблизился к свободе.

Машинально я схватился за рубаху, где должен был висеть амулет с жёлтой короной — тот, что я прятал от Лорна. Нет. Не может быть. Чёрт. Нет. Я же… Пальцы наткнулись на пустоту. Я похлопал по груди, по бокам, сердце ухнуло — амулета не было. Может, купец сорвал его? Или тот мальчишка, что подхватил меня? Стало тесно в горле, будто туда забили вату. Я оглянулся на толпу, но люди толкались, говорили, шли. Нут заметил мои движения, его брови поползли вверх.

— Что там, Тень? — спросил он, шагнув ближе.

Я сглотнул, выдавив кривую улыбку, хотя в груди леденел страх. Я вытер ладонь о штанину — зачем, не знаю. Просто нужно было что-то делать с руками.

— Ничего, — соврал я, опуская руку. Нут нахмурился, но промолчал.

— Хватит тут торчать, пошли! — рявкнул Ветка, всё ещё

выглядывая из переулка, и двинулся вперёд, не оглядываясь.

Мы двинулись назад, шаги Ветки гулко отдавались в переулке. Я старался не отставать, но мысли путались.

— Нут, — тихо спросил я, когда Ветка немного вырвался вперед, — кто были те дети на рынке?

Нут пожал плечами, его сапоги чавкали в лужах.

— Сироты, — сказал он. — Они всегда там крутятся, выпрашивают еду, монеты. Иногда воруют, если удаётся.

Он замолчал, будто задумался, потом добавил:

— Лучше держи свое барахло покрепче, когда они рядом.

Я стиснул кулаки, глядя на булыжники под ногами. Сироты. Тот улыбчивый мальчишка… Неужели он срезал амулет? Или кто-то из других детей, что разбежались вокруг? Я ничего не заметил, но теперь эта мысль жгла меня изнутри. А может я просто потерял его сам?

Час спустя мы все еще пробирались к двору Дарина. Утренний Велград жил своей жизнью. Переулки сменялись широкими улицами, где дома следовали друг за другом — некоторые одноэтажные, с покосившимися крышами, другие поднимались на три-четыре этажа. Окна смотрели без интереса, как если бы город им давно надоел. По дорогам ползли телеги, груженные бочками и мешками, лошади фыркали, а возницы лавировали между прохожими, покрикивая. Воздух пах угольным дымом и навозом, что лип к булыжникам. Я вспомнил, что мэр обложил налогом всех въезжающих на

лошадях и мысленно с ним согласился. Похоже, что все лошади города наваливали прямо на улицах. Ох! На одном из перекрестков я замер, будто не зная, как моргать. На стене, среди обрывков старых объявлений, висел плакат — мой плакат. «Мальчишка-убийца…» — гласила надпись, а под ней был мой портрет: острые скулы, глаза, как у загнанного зверька. Рядом стоял старик с сальной бородой и внимательно разглядывал бумагу, шевеля губами, будто читая вслух. Я почувствовал страх. Что, если он обернется? Укажет на меня пальцем, закричит: «Вот же он! Рубите ему голову, четвертуйте, вешайте!..»? Я не мог оторвать взгляд. Ветка заметил, куда я смотрю, и резко дернул меня за рукав. Боль заставила меня очнуться.

— Не стой, иди! — прошипел он. — Хочешь, чтобы стража тебя срисовала? — Я споткнулся, но пошел за ним. Ткань прилипла к спине, и я вздрогнул — словно почувствовав на себе чей-то взгляд. Да, глупо здесь стоять.

Мы добрались до гостиницы. Улица была тихой, тени от высоких домов с балконами и хлопающими на ветру простынями падали на булыжники. Над входом поскрипывала вывеска «Приют Последнего Шанса» — потемневшая от времени, но с яркими красными буквами и мелким узором, нацарапанным, словно кинжалом. Сама гостиница, двухэтажная, с потемневшими деревянными стенами, выглядела старой, но крепкой, ее узкие окна тускло блестели в свете дня. Мы вошли, и мелодичный звон колокольчика над дверью

эхом отозвался в холле. Запах старого дерева и пыли ударил в нос. Зал был пуст, лишь грубо сколоченная стойка темнела в углу, а за ней скучал Дарин. Это было не удивительно. Все те, кто должны были занимать комнаты наверху, сейчас прятались в убежище. Спали, разговаривали, ругались, играли в карты… Дарин молча кивнул и указал на заднюю дверь. Мы прошли через нее, миновали тесный двор и спустились по железной лестнице в люк.

В пещере было тепло, но я дрожал. Моль ждал у костра, ухмыляясь, как кот над мышью.

— Эй, Тень, ну что, обобрал какого-то ребенка или пузом в лужу шмякнулся? — хмыкнул молодой вор, скалясь.

Он кинул мне корку хлеба, но я не поймал — она упала в солому. Воры засмеялись. Но Лина, до этого сидевшая поодаль, поднялась и подошла ко мне. Она положила одну руку мне на плечо и участливо заглянула в глаза, а второй вложила в мою ладонь небольшой сверток. Я развернул его и увидел ломоть свежего хлеба с толстым куском копченого мяса. Я благодарно кивнул ей в ответ. Я мельком поймал взгляд Иглы. Она не улыбалась, а лишь едва заметно качнула головой, снова возвращаясь к своему стилету. Я сел у стены, глядя на плакат с моим лицом, стараясь спрятаться от то и дело изучающих меня взглядов. «Мальчишка-убийца». Если стража найдет амулет, они найдут и меня. А если Лорн узнает, что я его не выбросил, то может и выгнать. Или… Нет, в такое я не верил. Я сжал мешочек с семенами, чувствуя, как

руны впечатываются в кожу. Теперь, без амулета, они остались моим последним имуществом.

Костер трещал, воры шептались, играли в кости, ругались. Я смотрел на плакат, на свои нарисованные глаза. Тень. Может, Лорн был прав. Может, я и правда теперь только тень — не Крас, не сын Габа и Мари, а призрак, что крадется в темноте, боясь света.

Глава 2 — Плакаты и замки

Запах плесени и земли мешался с чем-то новым — ароматом свежего хлеба, жареного мяса и тушеных овощей, доносившимся от грубо сколоченных столов у стены. Дарин, хозяин «Приюта Последнего Шанса», снова прислал еду: корзины с теплыми булками, куски копченой свинины, котелки с похлебкой, где плавали морковь и лук, и даже горшок меда, который воры тут же размазали по хлебу. Я пробовал мед в детстве. Отец дважды приносил его, опухший от пчелиных укусов, но довольный собой. Мне было интересно, как тут, в городе, Дарин достал мед…

Люди жевали, хохотали, передавали друг другу ложки, и даже Моль, обычно злой, сегодня выглядел довольным, облизывая пальцы.

— Дарин знает свое дело, — фыркнул Крот, отрывая кусок булки. — Лорн угадал, что без его стряпни мы бы тут на одной плесени чахли.

Я сидел на койке, укутавшись в плащ, что пах чужой жизнью. Моя выбритая голова мерзла, сквозняк пробирал до костей, напоминая, кем я стал. Тень. Просто тень, что вчера чуть не угодила в лапы стражи на рынке. Запах еды манил меня к столу. Я взял кусок хлеба, разломил его. Корочка хрустела, а мякоть была нежной, с привкусом трав. После болот, где мы с мамой пекли хлеб из рогоза, это было почти

чудом. Воры вокруг ели, чавкая, стуча ложками. Я заметил, как Нут, обычно бледный, раскрасневшись, быстро уплетал похлебку из простой глиняной миски.

Лорн вышел из туннеля, шурша сапогами по соломе. Он остановился у стола, взял булку и кивнул, будто проверяя ее на вес.

— Дарин молодец, — сказал он, и его голос заглушил прочие звуки. — Гостиница, что не кормит постояльцев и не заказывает провизию, выглядит странно. Стража рано или поздно бы заинтересовалась. А так — и мы сыты, и никто к нам не лезет.

Воры загудели, кто-то хлопнул ложкой по столу, Игла даже улыбнулась, что было редкостью. Моль, жующий свинину, фыркнул:

— Да я бы Дарину руки целовал за эту похлебку! Лорн, гений, что его подтянул.

Мне стало интересно, насколько хватит его хорошего настроения. Может, сегодня он не будет меня задирать?

Я смотрел на Лорна, чувствуя, как холод в груди мешается с теплом от еды. Он держал гильдию в тени, подальше от глаз стражи. Сейчас эти люди не ругались и отчасти стали похожи на семью. Пускай злую, с ножами за поясами, но семью. Улыбающийся Нут сидел рядом с Линой. Крот вспоминал, что ему удалось попробовать во время его странствий в Восточные Королевства… Но плакат с моим лицом висел на стене, и каждый звук напоминал мне, что я здесь не дома.

Амулет с короной пропал — может, сирота его срезал, а может, сорвал купец, пока тряс меня как яблоню. Только бы он не привел ко мне…

После трапезы Лорн оглядел сытых, расслабившихся воров, и его взгляд остановился на мне, будто прицениваясь.

— Тень, — его голос прозвучал неожиданно серьезно. — Быть сытым — это хорошо, но это не поможет, если завтра окажешься в клетке. Мало уметь резать кошельки. Ты должен понимать, кому их режешь. Знать, кто в этом городе друг, кто враг, а кто продаст тебя за медяк. Видеть, где стража смотрит сквозь пальцы, а где за каждым твоим шагом следят. Это важнее любого замка. Крот, — он кивнул старому вору, — займись им. И не только по части замков. Покажи ему ошибки людей со стены. Пусть послушает, как ловкие и умные до него на плаху попадали.

Крот важно кивнул, откусывая от булки. Его борода дрогнула, когда он ткнул палкой в угли.

— Понял, Лорн. Хватит ему без дела сидеть. Иди сюда, малой. И ты, Нут, подойди. Будешь показывать.

Моль оскалился, но промолчал — Крот был опытнее, и его слово значило больше. Ему явно не понравилось, что показывать будет Нут, а не он. Я встал и подошел к старику. Крот сидел у старого сундука, покрытого царапинами и ржавыми петлями. Нут топтался рядом, приглаживая ладонью волосы, будто боясь, что Крот его отругает.

— Взлом — это не просто тыкать отмычкой в дырку, —

важно начал Крот. — Это разговор. Ты должен слушать замок. Каждый щелчок, каждый звук — он тебе что-то говорит. Если будешь ломиться силой, он просто «замолчит», и ты останешься с носом. Сломаешь отмычку и все… Нут, покажи.

Нут, бледный, несмотря на сытный ужин, присел у сундука, держа пару тонких отмычек. Его пальцы подрагивали, но он вставил инструмент в замок, повозился, и через минуту раздался щелчок. Крышка скрипнула, открывая кучу разнообразного хлама — перчатки, ремень, ржавые ножи. Нут выдохнул, будто пробежал через весь Велград.

— Неплохо, — хмыкнул Крот. — Но медленно. Твоя очередь, Тень. И помни: замок не заорет «Держи вора!». Действуй пока моей, пока на свою не заработал.

Крот сунул мне отмычку — небольшую и холодную, с зазубринами. Моль хохотнул, и я стиснул зубы, чтобы не огрызнуться. Сглотнул, щеки горели. Присел у сундука, вставил отмычку и попытался нащупать штифты. Пальцы не слушались, замок издевательски молчал. Нужно было собраться. Не спешить, иначе опять посыплются насмешки.

— Не дергай, — буркнул Крот, наклоняясь. Его борода пахла дымом и супом. — Чувствуй. Каждый штифт — как голос. Слушай и чувствуй, где поддается.

Я кивнул, пот стекал по спине. Моль, развалившись на ящике, фыркнул:

— Да он этот сундук до зимы ковырять будет! Эй, Тень,

может, купца проще зарезать, чем замок открыть?

Воры засмеялись, Нут опустил голову, пряча улыбку. Я стиснул отмычку, пальцы побелели, и огрызнулся:

— Оставь немного свинины другим и не мешай мне учиться.

Пещера затихла, а потом Крот усмехнулся, хлопнув меня по плечу:

— Щенок кусается! Давай, Тень, покажи, что не зря Лорн тебя сюда притащил.

Я вернулся к замку, кровь стучала в висках. Внезапно штифт поддался, потом второй, но третий застрял. Я дышал ровно, как учил отец, ставя капканы, и наконец услышал щелчок. Крышка скрипнула. Нут присвистнул, а когда Моль отвернулся, ободряюще кивнул мне с настоящей, открытой улыбкой. Я заметил, как сидевшая неподалеку Лина, увидев это, рассмеялась и шутливо подняла вверх свою деревянную кружку, будто в мою честь. Крот кивнул, и мне показалось, что в его взгляде я увидел облегчение. Старик как будто воспрянул духом. Неужели, не справься я, меня бы ждало что-то плохое? Меня бы выгнали? Но я ведь знал, где их убежище…

— Для первого раза сойдет, — сказал он. — Будешь практиковаться каждый день.

Он махнул к стене, увешанной плакатами. Желтые листы, старые и новые, лепились как рыбья чешуя. Мой — «мальчишка-убийца» — горел свежими чернилами. Крот ткнул в

него палкой:

— Ты уже в истории, Тень. Но история — не только про тех, кто запятнал себя кровью. Ошибки других — вот что ценно. Смотри.

Он указал на плакат с мужчиной, чей шрам пересекал лицо. «Гарн Кровавый, убийца и вор».

— Гарн, — сказал Крот, ткнув пальцем в один из выцветших листов. — Легенда. За одну ночь вынес из спальни мэра все ценное, пока тот пьяный спал в соседней комнате. Город о том деле гудел неделю. Гарн решил, что поймал Сагота за бороду, и полез в замок лорда Эймара. Думал, провернет то же самое. Не учел, что у лорда после истории с мэром будут его поджидать. Сняли его прямо со стены. Через день уже болтался в петле. А вот эта…

Он ткнул в плакат с женщиной, чьи глаза казались живыми. «Лира Песня, шпионка и воровка».

— Или взять ее. Певица из «Золотого кубка», у которой голос был слаще меда. Один из ее хахалей, писарь из канцелярии, по пьяни сболтнул ей про тайный караван мэра с контрабандой. Она и решила, что это ее счастливый билет — не всю же жизнь глотку драть для пьяных торговцев. Думала, что знать такой секрет — это уже половина дела. Но она не была воровкой. Она не понимала, что одно дело — услышать звон золота, и совсем другое — суметь его забрать и ноги унести. Ее повесили на главной площади.

Крот помолчал, его взгляд скользнул по стене, и он ткнул

в старый, потрепанный лист, где был нарисован молодой мужчина с острыми скулами и короткой бородой. «Крот, вор, разыскивается за кражу у торговца. Награда: 50 серебряных».

— Это я, — грустно усмехнулся Крот. — Молодой был, глупый. Срезал кошель у торговца на рынке да разболтал об этом по пьяни в трактире. Уж больно хотелось похвастаться, сколько золота я унес. Мой лепет услышали и донесли… Но, как видишь, не все с плакатов заканчивают в петле. Нужно учиться на чужом опыте, Тень. Можешь и на моем…

Нут закивал, а я уставился на плакат. Мужчина, молодой и дерзкий, смотрел с листа, будто смеялся над теми, кто будет его ловить.

Крот ткнул в другой плакат, побольше, с четкими линиями, будто рисовал мастер. На нем был темноволосый с ехидной ухмылкой, отдаленно похожий на Лорна. «Разыскивается вор банка, столица. Награда: 200 золотых».

— А это наш магистр, — Крот рассмеялся, хлопнув по колену. — Не местный, как видишь, из столицы. Обчистил банк, полный стражников и банкиров. Знаешь, что такое банк? Там люди деньги хранят. У нас в Велграде тоже такие есть. Да, Лорн не какой-то деревенщина. Но громкие дела, Тень, иногда вынуждают съезжать.

Я взглянул на Лорна, сидевшего у туннеля. Его лицо было непроницаемым, но уголок рта дрогнул, будто он нас услышал и не возражал. Нут же от волнения не знал, куда деть

руки, его глаза бегали по плакатам.

— А этот? — спросил я, ткнув в выцветший лист, где угадывался мужчина с бородой.

Крот нахмурился, сжал палку. Его лицо помрачнело.

— Клык. Мой… друг. Был лучшим взломщиком и до того болтлив, что, говорят, язык на плече носил. Но вот попался на складе Гедрика. Его и взяли люди лорда. Пытали, говорят. Никто не знает, где он теперь. Может, сгнил в камере. Может, еще жив. Может… не хочу знать. Гедрик следов не оставляет.

Гедрик. Имя, от которого по спине пробежал холодок. Тот день на дороге в Велград всплыл в памяти, будто вчера. Мы с Лорном ехали в повозке, колеса скрипели по грязи, а я мечтал о том, что увижу в городе нового. Вдруг из-за деревьев показались три всадника, их кони фыркали, поднимая пыль. Первый, в черном плаще с вышитой на груди желтой короной на черном щите — гербом лорда Эймара, как я узнал позже, — смотрел так, будто мог разрезать взглядом. Его лицо, худое, с короткой седой бородой, казалось вырезанным из камня, а глаза, серые, холодные, оценивали меня, как рыбу на рынке. Это и был Гедрик. Он представился человеком лорда Эймара, но Лорн позже сказал, что Гедрик сам по себе и служит тому, кто больше платит, или тому, кто в данный момент для него выгодней. Они искали сборщиков налогов, пропавших с казной. Гедрик говорил тихо, но каждое слово сквозило угрозой. Лорн отвечал спокойно, но я видел, как

напряглись его руки на вожжах. Всадники ускакали, оставив за собой облако пыли, а я все смотрел им вслед, боясь, что Гедрик обернется. Его взгляд до сих пор стоял у меня перед глазами.

Я сглотнул, Крот отвернулся, ковыряя угли.

— Хватит баек, — буркнул он. — Замок ждет. Но помни, Тень, — добавил он тише, глядя мне в глаза, — и Гарн, и Лира совершили ошибку: у них появилось имя, которое все знали. А лучший вор — это… ну, ты понял. Никто. Пока ты остаешься тенью, ты жив. Никто не знает, как ты выглядишь, какого ты возраста, какого цвета у тебя волосы на голове… А теперь замок.

Мы с Нутом вернулись к сундуку, но мысли путались. Плакаты смотрели, будто живые.

Днем, когда мы в очередной раз тренировались с отмычками над замком Крота, в пещеру заглянул Лорн.

— Тень, — позвал он, его голос был холодным. — Оставь пока железки. Раз ты не можешь работать сам, будешь смотреть, как работают другие. Пойдешь с Молью. И будешь таскать за ним мешки, если понадобится. Он покажет тебе Йоргa, нашего скупщика. Присмотрись, как Моль ведет дела, как общается. И главное — понаблюдай за самим Йоргом и за обстановкой вокруг его лавки. Ты должен научиться видеть всю картину целиком. Не только кошелек, но и руку, что его держит, глаза, что следят за тобой с другого конца улицы, и нож, который уже точат в подворотне по твою душу. Учись

видеть опасность до того, как она увидит тебя. Моль болтлив, но город знает. Возможно, узнаешь что-то полезное и о том, как такие, как Йорг, выживают в Велграде под носом у стражи и… прочих.

Лорн выразительно посмотрел на меня, и я понял, что «прочие» — это в первую очередь Гедрик.

Моль, услышав свое имя, принялся озираться по сторонам.

— Тень! Эй, Тень, ты где, дохляк? — рявкнул он, проходя в паре шагов от меня.

Я сидел на скамье в густой тени у стены, прямо перед ним. Я не прятался — просто ждал. Но Моль прошел мимо, едва не задев мое колено, и я понял, что он меня не видит. Опять. Этот дар Релвины начинал меня раздражать — он срабатывал сам по себе, привлекая ненужное внимание именно тогда, когда я меньше всего хотел выделяться.

— Я здесь, Моль, — сказал я негромко.

Тот подпрыгнул на месте, резко развернулся и уставился на меня. Его лицо мгновенно налилось кровью, а глаза сузились.

Моль задержал на мне взгляд, козыряя ухмылкой шире обычного, хотя в глазах всё еще плескалась злоба. Видать, слова Лорна очень ему понравились. Я же ждал новых издевательств и глупых шуточек. На большее он вряд ли был способен.

— Эй, Тень, хочешь увидеть, как воры дела обделывают?

— сказал он, ткнув локтем. — Пойдем, покажу, кто в Велграде реальные деньги зашибает. Лорн велел тебе поучиться у мастера!

Я бы хотел отказаться, но Лорн не оставил выбора. Мы прошли к колодцу, перекладины липли ржавчиной к пальцам. Во дворе Дарина пахло гнилью, но я заметил корзину с хлебом у люка — Дарин снова постарался. Моль двигался быстро, его сапоги чавкали по не успевающим высохнуть лужам.

— Йорг — наш человек, — хвастался Моль в переулках, пока мы шли. — Все скупщики у гильдии в долгу. Без нас они бы с голоду сдохли.

Переулки Велграда жили своей жизнью. Дома, люди, запахи, цвета… Я натянул капюшон, стараясь не привлекать внимания и постоянно оглядываясь — слова Крота крепко засели в голове. Моль же шел как хозяин, расталкивая прохожих и громко приветствуя каких-то сомнительных личностей в темных подворотнях. Пару раз мне показалось, что за нами кто-то идет — неясные тени мелькали на пересечении улиц, но Моль лишь отмахивался, когда я пытался ему на это указать.

— Расслабься, Тень, — фыркал он. — В этих трущобах все друг за другом следят. Обычное дело.

Но мне спокойнее не становилось. Я видел вдали высокие купола храмов. Резные шпили высоко простирались над каменными домами нашего района. Интересно, как люди жи-

вут там? Там тоже воняет и улицы полны содержимого ночных горшков?..

На рынке толпа текла, торговцы орали. Солдаты мэра в серых плащах лениво осматривали прохожих, а одинокий гвардеец в цветах лорда о чем-то спорил с торговцем, тыча пальцем ему в грудь.

— Видишь? — фыркнул Моль. — Псы грызутся, а мы крадем.

Мы свернули в еще более узкий и темный переулок, пахнущий кожей и дегтем. Лавка Йорга была низкой, с маленькими, забранными решеткой окнами и тяжелой дубовой дверью. Над входом висела ржавая вывеска-наковальня. Прежде чем войти, Моль огляделся и понизил голос:

— Тут потише, Тень. Йорг не любит шум. Особенно в последнее время. Говорят, люди Гедрика стали чаще наведываться в этот район. Теперь все соседи дерганные…

У меня мороз пробежал по коже при упоминании Гедрика.

Внутри лавки было сумрачно и тесно. Полки ломились от самого разного товара: горшки, ножи, веревки, инструменты, старая одежда и даже несколько ржавых доспехов. Йорг, толстый, с сальными волосами и бегающими глазками, сидел за прилавком и медленно пересчитывал горсть мелких монет. При нашем появлении он вздрогнул и быстро сгреб монеты в ящик. На его лбу блестели капли пота, хотя в лавке было прохладно.

— Это Тень, новенький, — ухмыльнулся Моль, подталкивая меня вперед. — Не боись, Йорг, он только спотыкается пока. Лорн велел ему посмотреть, как делаются дела.

Йорг нервно облизнул губы, его взгляд быстро метнулся к двери и обратно.

— Спотыкайся сколько угодно, главное, стражу мне сюда не притащи, парень, — буркнул он глухо. — И поменьше болтай языком. Нынче за лишнее слово можно и головы лишиться. Я ценю тишину. А от вашего шепота на улице у меня в лавке чуть кружки не попадали.

Моль фыркнул, но как-то неуверенно.

— Да ладно тебе, Йорг, не кипятись. Мы ж свои.

— Сегодня «свои», а завтра в петле мне одному висеть, — проворчал Йорг, но все же достал из-под прилавка небольшой мешочек и высыпал на стол несколько монет перед Молью. — Вот, за последнюю партию. И передай Лорну, что цены растут. И риски тоже.

Я внимательно наблюдал за Йоргом. Его страх был почти осязаем. Он то и дело косился на дверь, а его руки мелко дрожали.

Моль, забрав монеты, потащил меня за дверь, снова напуская на себя хвастливый вид, как только мы оказались на улице.

— Йорг платит лучше всех, — заявил он, хотя только что сам видел, как торговец был напуган. — А знаешь, кто его крышует? Гедрик.

Я замер. Гедрик. Тот самый Гедрик, от одного имени которого стыла кровь в жилах у Крота и других воров, теперь оказывался «крышей» для скупщика краденого. Голова шла кругом. Это нарушало все понятные мне правила, которые я успел выучить. Если Гедрик против воров, то почему он защищает Йорга? Или он защищает не Йорга, а свой доход от его делишек?

Моль расхохотался, увидев мое лицо:

— Коленки трясутся, Тень? Пока ты с нами, Гедрик не тронет. Наверное. Он умный, Лорн. Знает, с кем дела иметь. А Гедрик… он тоже не дурак. Деньги не пахнут, а?

Мы вернулись в пещеру. Слова Моли и испуганное лицо Йорга не выходили из моей головы. Моль знал больше, чем говорил, но и боялся не меньше. А я начинал понимать, что Велград — это клубок змей, где каждый может оказаться и хищником, и жертвой, и все гораздо сложнее, чем просто

«воры» и «стража».

Ночью, когда большинство воров уже спали или тихо перешептывались в своих углах, я не мог уснуть. Костер в центре пещеры потрескивал, отбрасывая пляшущие тени на стены, увешанные плакатами. Капли воды монотонно падали с потолка. Я все думал о словах Моли, о нервном Йорге, о Гедрике, который, казалось, был везде и нигде одновременно. Крот сидел у костра, подбрасывая сухие ветки, и задумчиво жевал корку хлеба. Лорн неподвижно стоял в тени у входа в туннель, ведущий наружу. Для любого другого он был лишь частью темноты, но я отчетливо видел его сосредоточенное лицо, то, как он медленно перебирает пальцами рукоять ножа, и даже мелкие щепки на его плаще. Тишина давила.

— Крот, — не выдержал я, мой шепот прозвучал слишком громко в тишине пещеры. Старый вор обернулся. — Почему Гедрик… почему он так поступает? Если он ловит воров, как Клыка, то зачем ему защищать Йорга, который скупает краденое?

Крот усмехнулся, но без веселья, и посмотрел на Лорна, который медленно подошел к костру. Его лицо в неровном свете пламени казалось высеченным из темного камня.

— Не все так просто, мальчик, — ответил Крот, бросив очередную ветку в огонь. — Велград — это не шахматная доска, где есть только черные и белые. Тут все смешалось. Мэр раздает приказы от имени короля, лорд Эймар считает эти земли своими и вешает тех, кого захочет, не спрашивая

разрешения. Их стража и гвардия грызутся, как псы за кость на каждом углу. Серые солдаты мэра шныряют по рынку, пытаясь урвать свое, черные гвардейцы лорда Эймара допрашивают всех подряд, наводя ужас.

Лорн сел на подвернувшийся ящик. Его нож блеснул в свете костра, когда он принялся вырезать что-то из куска дерева.

— Мэр клянется, что подчиняется только королю, — продолжил Крот, сплюнув в угли. — А Эймар твердит, что его земли — его закон. Не первый год они выясняют, кто главнее, кто больше урвет власти и денег. Мэр шлет письма в столицу, жалуясь на самоуправство лорда, Эймар точит меч и собирает вокруг себя верных псов. А стража с гвардией только искры высекают, когда нос к носу сходятся. Они ненавидят друг друга больше, чем нас, воров.

— И все равно никто не знает, кому Гедрик верен на самом деле, — сказал Лорн, не отрываясь от своего занятия, его голос был холоден и резок. — Он как паук в центре паутины. Формально он служит лорду Эймару, но многие говорят, что у него свои интересы. Он играет на обе стороны, пока мэр с лордом грызутся. Использует их вражду, чтобы усилить собственное влияние. Для него такие, как Йорг, — источник дохода и информации. А такие, как Клык… — Лорн на мгновение замолчал, — расходный материал, если они переходят дорогу ему или тем, кто ему платит.

Я сглотнул, слова Лорна и Крота ложились на душу как

камни. Город, который я начинал узнавать, оказывался еще более опасным и запутанным, чем я мог себе представить.

— А если король вмешается? — спросил я не сдержавшись.

Крот хохотнул, но это был сухой, безрадостный смех.

— Король? Он далеко, Тень. Ему плевать на наши мышиные разборки, пока налоги исправно идут в казну. А Гедрик не ждет королевских указов. Он чистит Велград от любого, кого посчитает угрозой своим планам или планам тех, кому он в данный момент выгоден. Он убийца. Если ты окажешься в его руках, то молись, чтобы смерть была быстрой.

Лорн резко поднялся, отряхивая плащ. Кусок дерева с глухим стуком упал на землю.

— Хватит разговоров на ночь, — сказал он без тепла. — Тень, спи. Завтра снова на рынок, и тебе нужны свежие силы и ясная голова. А то, что ты сегодня узнал, — Лорн пристально посмотрел на меня, — пусть будет еще одним уроком. В Велграде доверять можно только себе. И то не всегда.

Он вышел из пещеры. Моль пробурчал, пробираясь к своей койке:

— Спи, Тень. А то Гедрик приснится.

Я лег, но сон не шел. Когда пещера погрузилась в сон, я вытащил мешочек с семенами. В свете костра руны блестели, будто живые. Я вспомнил маму, ее голос: «Семена — жизнь, Крас». Она говорила о рунах, алхимии, но я не понимал. Если воры найдут мешочек, начнут спрашивать или попросту

украдут его. Я сунул его в углубление под койкой, прикрыв соломой. Сердце колотилось, будто я обчистил купца. Но это было все, что у меня осталось.

Утром Лорн разбудил нас. Его голос резал тишину:

— Тень, Нут, Ветка — тренироваться на рынок. Моль — сегодня со мной.

Моль скривился. Крот хохотнул, жуя булку:

— Не давай Моли воли, Лорн. Он Йоргу хвастается, что первый вор в гильдии.

Лорн промолчал, холодно осмотрев собравшихся. Пока я натягивал плащ, мысленно прощаясь с оставленными под койкой семенами, ко мне подошел Нут.

— Не слушай Моль, — тихо сказал он. — Ты быстро учишься. Гораздо быстрее, чем я в свое время.

Я только кивнул, но его слова немного согрели холод внутри. Лица с плакатов наблюдали за мной, рынок ждал. А с ним — стража, Гедрик и тени.

Глава 3 — Друзья в тенях

Угли тлели, бросая дрожащие тени на каменные стены, усыпанные желтыми плакатами, что шелестели, будто шептались о чужих судьбах. Утро пришло с сыростью, сквозняк гулял по туннелю, цепляясь за солому и грязь на полу. Запах вчерашней похлебки все еще висел в воздухе, мешаясь с плесенью и дымом. Воры ворочались на койках, кто-то кашлял, кто-то бормотал во сне, а Крот, сидя у огня, ворчал о сырости, что пробирала его кости. Я натянул плащ и сглотнул, чувствуя, как сердце колотится. Может, Дарин поможет мне выстирать эти обноски?.. А пока город ждал, а с ним — стража, Гедрик и тени, что не отпускали меня ни на миг.

Лорн зашел в пещеру, шурша сапогами по соломе. Его плащ, потрепанный, но тяжелый, слегка колыхался, будто впитал тьму туннелей. Он кивнул, и его голос прорезал тишину:

— Моль, Нут, Ветка — на рынок. Тень, со мной.

Моль фыркнул. Его щербатая ухмылка мелькнула в свете костра. Он пробурчал что-то неразборчивое, но тихо — Лорн не терпел возражений.

Магистр кивнул мне, и я почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Плакат с моим лицом горел свежими чернилами на стене, будто насмехался. Я сунул руку под соломенную подстилку на своей лежанке, нащупал маленький ко-

жаный мешочек с семенами матери и, крепко сжав его в кулаке, спрятал во внутренний карман плаща. Руны, вырезанные на мешочке, были единственной вещью, которую я хотел сохранить любой ценой. Но Лорн ждал, и я шагнул к колодцу.

Перекладины колодца липли ржавчиной к пальцам, пачкая руки. Я лез вверх, чувствуя, как сырость оседает на выбритой голове. Во дворе гостиницы Дарина пахло гнилью и мокрой землей, но у люка стояла корзина с булками, еще теплыми, завернутыми в грубую тряпку. Дарин не забывал о своих «постояльцах». Лорн шел впереди, его шаги были быстрыми, уверенными, а я старался не отставать, хотя ноги казались свинцовыми. Улицы Велграда уже кипели жизнью: телеги двигались, торговцы орали, а запах тухлой рыбы, чего-то кислого и дыма очагов бил в ноздри. Я натянул капюшон, рука невольно прижимала к груди бесценный мешочек, боясь, что кто-то узнает мое лицо, но взгляды прохожих скользили сквозь меня, будто не замечая.

Мы свернули в узкий переулок, где дома стояли так близко, что почти касались крышами, скрывая небо. Стены, покрытые трещинами и пятнами копоти, выглядели очень старыми. Над головами висели веревки с бельем, что колыхалось, как флаги. Лорн остановился у лавки с потрепанной вывеской, на которой угадывались выцветшие мотки ниток, нарисованные когда-то яркой краской. «Лавка Миры». Он толкнул дверь, и колокольчик звякнул, как предупреждение.

Внутри было тесно, воздух пропитался запахом крашеной ткани, воска и чего-то кисловатого, будто старого вина. Полки ломились от рулонов: грубый лен соседствовал с лоснящимся шелком. В одном углу, на специальной подставке, переливался всеми оттенками заката отрез тяжелого бархата, расшитый золотыми драконами — явно заказ для очень богатого или знатного клиента. На прилавке лежали мотки ниток всех цветов — от угольно-черного до алого, как кровь, — рядом с иглами, кусками кружева и катушками, что блестели, как монеты. В углу громоздилась корзина с обрезками, а над ней висел старый гобелен, выцветший, но все еще хранивший узор с цветами. Мира, худая женщина с острыми скулами и седеющими волосами, заплетенными в тугую косу, подняла глаза от стола. Ее пальцы, сухие, как ветки, унизанные несколькими простыми серебряными кольцами, замерли над листом бумаги, где она писала цифры. Ее взгляд скользнул по мне, будто прикидывая, сколько я стою, и остановился на Лорне.

— Лорн, — она кивнула, голос был сух, как ее руки. — Опять мальчишек таскаешь? Этот хоть не сбежит, как прошлый?

Лорн положил руку мне на плечо, и я вздрогнул, чувствуя его крепкие пальцы.

— Это Тень, — сказал он, и его голос был ровным, но с легкой насмешкой. — Мальчик, который однажды сделает заказ. Присмотрись к нему, Мира.

Мира усмехнулась, ее глаза сузились, как у кошки, что видит мышь:

— Заказчик, значит? Хлипкий для твоих дел, Лорн. Кожа да кости, да еще этот плащ — будто с мертвеца. Надеюсь, он не споткнется о собственные ноги, если придется бежать.

Я стиснул зубы, щеки горели, но Лорн только фыркнул, скрестив руки:

— Он научится. Твои ткани все еще лучшие в Велграде, Мира? Скоро пришлю Ветку за партией — размеры как обычно. И еще один комплект сделай на мальчика.

Мира махнула рукой, возвращаясь к своим записям, но ее взгляд задержался на мне, будто проверяя, не тресну ли я под ним.

— Хорошо, только в долг ничего не дам, — буркнула она. — И без стражи за плечами. Ко мне сегодня приходили люди Гедрика. Расспрашивали, не знаю ли я чего о малолетнем убийце, а также слышала ли я что-то про шпионов Солверии в городе. Откуда мне, простой торговке, знать о таких вещах? Знай, что я больше не хочу видеть ни Гедрика, ни его людей у своей двери.

Я сглотнул, опять это имя… Его лицо — худое, с острыми скулами, с глазами, что резали, как лезвия, — вспыхнуло в памяти. Лорн кивнул, не меняясь в лице, и толкнул меня к выходу. Колокольчик звякнул снова, и мы оказались на улице, где гомон Велграда бил в уши.

Лорн повел меня дальше, через переулок, пахнущий ко-

жей и маслом. Дома здесь были неприглядные, с покосившимися ставнями, а под ногами хлюпала грязь, смешанная с опилками. Над нами скрипела вывеска лавки, где торговали горшками, и старуха, сидя у порога, споро орудовала ножом, чистя рыбу. Лорн шел быстро, а я едва поспевал, чувствуя, как пот стекает под полами плаща. Улица ожила: на моих глазах солдат в сером толкнул облаченного в черное гвардейца с желтыми коронами на груди. Они ругались, перекрикивая скрип телег. Один гвардеец сплюнул и пнул бочку, которая покатилась, расплескивая мутную воду, что залила сапоги прохожих. Те шарахались, кто-то выругался. Лорн, не сбавляя шага, пробурчал:

— Боюсь, скоро дойдет до мечей. Не глазей, Тень.

Низкая мастерская Стэка была окружена закопченными стенами с выцветшей вывеской, хранящей еле угадывающийся меч, стертый дождями. Дверь скрипнула, выпуская жаркий воздух, пахнущий железом, маслом и углем. Внутри пол был усыпан хрустящей под ногами стружкой, цепляющейся за сапоги, а вдоль стен громоздились ящики, набитые болтами, ножами и наконечниками стрел. В одном из ящиков я заметил груду экзотического вида зазубренных метательных дисков, которые явно не пользовались спросом у городской стражи. Полки хранили блестящие клинки — от коротких кинжалов, так любимых Веткой, до длинных, с рукоятями, обмотанными потертой кожей. Горн в центре пылал, обжигая лицо жаром, а над ним висел черный от копоти мо-

лот. Стена держала ржавую, но крепкую, несмотря на годы, цепь, а в углу тлела дымящая куча угля, щиплющая глаза. У стены стояла массивная наковальня, вся в выбоинах и отметинах, а рядом — бочка с водой, от которой шел пар, когда Стэк остужал раскаленный металл. Широкоплечий Стэк правил короткий клинок, стоя у горна. Его лицо, покрытое сетью шрамов, напоминало старую карту. Искры сыпались на пол, пока мутные, как старое стекло, глаза на секунду остановились на мне.

— Это кто? — прогундосил он, не отрываясь от лезвия.

— Тень, — твердо сказал Лорн. — Будущий заказчик. Запомни его, Стэк.

Хохот Стэка заглушил шипящий горн, сапог его топнул, взметнув стружку:

— Заказчик? Да он едва на ногах стоит! Лорн, твои новички все мельче, скоро младенцев таскать будешь.

Мои кулаки сжались, кровь запульсировала в висках, и я сказал:

— Чем громче смех, тем беззащитнее горло…

Оба мужчины оставили мои слова без ответа, будто я и вовсе молчал.

Лорн пожал плечами, усмехаясь:

— Он вырастет. Скоро пришлю за клинками — по две пары коротких, как любит Ветка. И еще… — он кивнул на меня, — подбери ему нож. Попроще, для тренировки.

Стэк крякнул, отложив клинок. Его пальцы, черные от са-

жи, почесали подбородок:

— Для тренировки, значит? Тогда старье какое-нибудь сойдет, верно?

Лорн кивнул, скрестив руки:

— Сойдет. Лишь бы руку набивал.

Стэк прошаркал к столу, заваленному болтами и обрезками кожи, и выдвинул из-под него небольшой ящик. Дерево скрипнуло, обнажая невзрачную кучу: несколько ножей, затупленный меч с потрескавшейся рукоятью и одинокий наконечник копья, покрытый ржавыми пятнами. Стэк порылся, бурча под нос, и выхватил три ножа, швырнув их на стол передо мной. Они звякнули, подняв облачко пыли.

— Выбирай, малец, — прогундосил он, скалясь.

Первый — охотничий, с широким лезвием, потемневшим от времени, рукоять обмотана вытертой кожей. Второй — с гравировкой, цветы и листья, но лезвие покрыто царапинами, будто его точили о камни. Третий — самый маленький, полностью черный, от клинка до рукояти, будто вырезан из угля. В сумраке мастерской я отчетливо видел на рукояти символ — каплю, высеченную так тонко, что она казалась не глубже волоса. Для любого другого это была лишь случайная царапина, но мой взгляд замер. Я мельком взглянул на свою руку — та же капля, спрятанная под рукавом, горела, как клеймо. Случайность? Нет, это не могло быть случайностью. Я протянул руку и взял черный нож. Он лег в ладонь, холодный, легкий, будто часть меня.

Стэк хмыкнул, его брови поползли вверх:

— Этот? Да он хлипкий, как ты сам. Ладно, бери, подарю. Все равно никому не нужен.

Лорн шагнул ближе, его взгляд скользнул по ножу, губы сжались в тонкую линию. Видно, он не разделял мой выбор. Лорн выхватил нож из моих пальцев.

— Позже, — сказал он. — Я сам принесу его домой. Не нужно тебе пока что с ним по улицам шататься.

Я открыл рот, чтобы возразить, но его глаза пригвоздили меня к месту. Стэк пожал плечами, возвращаясь к горну, и пробурчал:

— Как знаешь, Лорн. Только не потеряй, а то малец будет ныть.

Мгновение — и нож пропал в складках плаща Лорна. Магистр кивнул Стэку:

— Говорят, соседей твоих размолотили в щепки, ищут шпионов.

Стэк крякнул, махнув рукой:

— Слышал. Пусть ищут, мне плевать, лишь бы ко мне не лезли.

Мы вышли, дверь скрипнула за нашими спинами. Людская толпа текла, многоголосая и шумная. Солдаты и гвардейцы куда-то пропали. Лорн остановился, взгляд пробежал по переулкам, будто выискивая тени.

— Жди здесь, Тень, — сказал он твердо. — Если долго не вернусь, иди в гостиницу. Сам дорогу найдешь? Если что-то

покажется опасным, то тоже не стой столбом, а сматывайся.

Он исчез в толпе, плащ мелькнул и пропал. Я прижался к стене, сжимая кулаки и стараясь выровнять дыхание. Гомон рынка, звон наковальни и скрип телег давили на виски. Я был никем — тенью, но плакат с моим лицом также висел в пещере. Теперь еще этот нож с символом богини… Каждый взгляд проходящих мимо заставлял меня сжиматься, чтобы казаться как можно меньше. Я стиснул зубы, стараясь дышать ровно.

— Эй, ты чего тут как столб? — раздался звонкий голос.

Я вздрогнул. Передо мной стоял мальчишка, худой, с растрепанными темными волосами и глазами, блестящими, с огоньками веселья. Его лицо, покрытое веснушками, светилось озорной улыбкой, а лохмотья, что служили одеждой, были залатаны десятком заплат. За ним толпились и шумели еще пятеро — трое мальчиков и две девочки, все в потрепанных рубахах, но с улыбками, будто им нечего терять. Я вспомнил их. Именно этих детей я видел в свой первый день на рынке, когда попался в лапы купца. Мальчишка, что заговорил, ткнул меня в плечо:

— Я Тай. А ты кто? Родня Дарина?

Я сглотнул, не зная, что ответить. Их лица были открыты, без насмешки, без угрозы. Впервые за месяцы кто-то смотрел на меня не как на добычу, не как на плакат. Их смех и беззаботное веселье — это было как глоток воды знойным днем.

— Тен… — начал я и осекся. «Тень» звучало слишком мрачно, слишком чуждо для обычных людей. — Тэн. Меня зовут Тэн.

Тай ухмыльнулся, показав щербатый зуб, и хлопнул меня по плечу:

— Странный, но вроде свой. Пойдем, Тэн, с нами! Ты умеешь играть в «камни»?

Сироты засмеялись, и я, сам не зная почему, улыбнулся. Они потащили меня за собой через переулки, где пахло кожей и гнилью, мимо телег и орущих торговцев. Тай шел впереди, его шаги были легкими, будто он танцевал, а за ним бежала Лиска — девочка лет двенадцати, с темными косичками и глазами, что сверкали, как у кошки. Она двигалась ловко, ее пальцы мелькали, и я заметил, как она незаметно смахнула яблоко с телеги, спрятав его в карман. Клек, высокий мальчишка с длинными руками, хохотал, его голос был хриплым, как у ворона. Рядом семенил Птах, маленький, с лицом, покрытым грязью, но с улыбкой, что не сходила, даже когда он споткнулся. Последними шли Сойка, девочка с тихим голосом и серыми глазами, что смотрели так, будто замечали больше, чем другие, и Шепот — худой, с бледной кожей и взглядом, что бегал, как мышь в поисках щели.

Мы выбежали к парку. Он выглядел иначе, чем другие места в городе — это было тихое место, где Велград будто затаил дыхание. Старые колонны, поросшие мхом, стояли вдоль дорожек, их тени падали на траву, усыпанную желтыми листьями. Деревья, высокие, с ветвями, что качались на ветру, окружали поляну, где журчал фонтан. Его вода, чистая, как стекло, плескалась в каменной чаше, вырезанной с узорами, что стерлись от времени. Солнце пробивалось сквозь листву, бросая пятна света на землю, а воздух пах травой, сыростью и чем-то сладким. Здесь прохаживались лишь редкие прохожие: женщины с корзинами, переговаривающиеся шепотом, старики, опирающиеся на палки, их шаги шуршали по гравию. Ни стражи, ни гвардейцев — только покой, какого я не знал с болот. Трава, мягкая, чуть влажная, скрипела под ногами, а у фонтана росли мелкие белые цветы, их лепестки дрожали на ветру.

Тай кинул камень в фонтан, и брызги разлетелись, поймав свет.

— Попади лучше, Тэн! — крикнул он, толкнув меня в плечо.

Я взял камень, шершавый, теплый от солнца, и бросил. Он плюхнулся в воду, подняв волну. Лиска захохотала, ее косички подпрыгнули:

— Тэн, ты бросаешь, как младенец! Смотри, как надо!

Она швырнула камень, и он чиркнул по воде, оставив за

собой круги. Клек присвистнул, Птах захлопал в ладоши, а Сойка, сидя на траве, тихо улыбнулась. Шепот стоял в стороне, его глаза бегали по парку, будто он ждал беды. Я кинул еще камень, и на этот раз попал ближе к центру.

Тай хлопнул меня по спине:

— Уже лучше! Тэн, ты быстро учишься. Может, и вором станешь!

Я замер, пальцы сжали камень, шершавый и теплый. Вор? Откуда они знают про воров? Лиска, Клек, Птах — их смех, их лохмотья — все казалось простым, как у обычных детей. Но слово «вор» резануло, будто нож, и я уставился на Тая, пытаясь поймать его взгляд. Мои брови поползли вверх, дыхание сбилось — как они могли знать, что я связан с гильдией? Или это просто шутка, брошенная наугад?

Лиска заметила, как я застыл, ее косички дрогнули, когда она ткнула меня в бок:

— Эй, Тэн, чего глаза как у рыбы? — она захохотала, но Тай поднял руку, останавливая ее. Его веснушки будто потемнели, улыбка стала хитрой, как у кота, что поймал мышь.

— Ох, мы ж забыли представиться, — сказал он, шагнув ближе. Его голос понизился, будто он делился секретом. — Мы не просто дети. Знаем, как брать, что плохо лежит. Хочешь с нами? Мы, считай, что гильдия воров Велграда. Ну, не такая, как в столице, но свои дела мы знаем. — Он подмигнул, а Клек, стоя за ним, фыркнул, скрестив длинные руки.

Я сглотнул, горло пересохло. Гильдия? Эти дети — с их грязными лицами, с их играми у фонтана — гильдия воров? Птах, сидя на траве, захихикал, будто это была лучшая шутка, а Сойка, теребя травинку, тихо кивнула, ее серые глаза скользнули по мне, будто проверяя, не выдам ли я их.

— Гильдия? — выдавил я, голос хрипел, как у Крота после долгой ночи. — Вы… воруете? Вместе? У вас что, свой магистр есть?

Тай рассмеялся, его щербатый зуб блеснул:

— А ты думал, мы просто камни кидаем? Лиска, покажи ему!

Лиска, ловкая, как белка, взобралась на колонну и крикнула:

— Смотрите, я королева Велграда!

Клек фыркнул, поддев ее камешком:

— Королева лохмотьев! Спускайся, пока не свалилась!

Но Лиска уже вытащила яблоко из кармана — то самое, что смахнула с телеги, — и ловко подбросила его, поймав на лету. Она спрыгнула, косички взлетели, и ткнула меня в грудь:

— Мы не просто так шныряем по рынку, Тэн. Каждый знает свою роль. Я — пальцы, Клек — глаза, Тай — мозги. Птах… ну, он пока учится, но сердце у него золотое.

Птах, сидя у фонтана, плескал воду ладонями и бормотал:

— Я бы хотел корабль. Большой, с парусами. Плыл бы далеко, где нет стражи.

Сойка, теребя травинку, шепнула:

— А я бы хотела дом. Маленький, с садом. Чтобы никто не кричал.

Я стоял, будто врос в землю, их слова кружились в голове, как листья на ветру. Гильдия. Они были как я, но смех, тепло делали их другими. Я вспомнил подколки Моли и содрогнулся. Они не прятались в туннелях, не боялись Гедрика… или боялись, но не показывали? Тай, заметив мой взгляд, хлопнул меня по плечу:

— Не тушуйся, Тэн. Мы держимся вместе. И ты… ты нам нравишься. Будешь с нами?

Я сглотнул, сердце колотилось. С ними? С их играми, с их свободой? Это казалось мне прекрасным, но плакаты с моим лицом все еще висели повсюду, а Лорн… Лорн не простит, если я сбегу. Я заставил себя улыбнуться, хотя внутри все дрожало:

— Может, и буду. Если научите кидать камни получше. Хотя Дарин, наверное, будет беспокоиться…

Сироты засмеялись, и Лиска ткнула меня в бок:

— Эй, Тэн, хочешь фокус? Смотри!

Она вытащила камень из моего кармана — я даже не заметил, как ее пальцы скользнули по мне. Сироты захохотали, а я покраснел — щеки горели. Лиска подмигнула:

— Это проще, чем их кидать. Хочешь, покажу?

Я кивнул, и она встала рядом, голос стал шепотом, как у заговорщика:

— Смотри на руку. Пальцы мягкие, будто перья. Видишь кошелек? — она кивнула на воображаемую цель. — Не дергай, а гладь. И раз — он твой.

Она показала движение, рука мелькнула, и достала камень из кармана Клека. Тот фыркнул, хлопнув себя по карману:

— Лиска, ты опять!

Лиска захохотала. Я попробовал, но пальцы были деревянными, и Тай расхохотался:

— Тэн, ты как медведь! Лиска, он безнадежен!

Я улыбнулся — их смех грел, как весеннее солнце после зимы. Птах вдруг вскочил, глаза блестели:

— Тэн, смотри! Лягушка!

У края фонтана, в траве, сидела зеленая лягушка, бока блестели от влаги. Птах пополз к ней, но она прыгнула, и он шлепнулся в грязь. Сироты засмеялись, а я, не думая, присел рядом:

— Давай вместе. Тихо, не спугни.

Я протянул руку и накрыл ее ладонями — она билась внутри — и показал Птаху. Он захлопал в ладоши:

— Тэн, ты герой! Отпусти ее, пусть живет!

Я открыл ладони, и лягушка прыгнула в фонтан, разбрызгивая капли воды. Сироты захохотали, а Птах обнял меня, грязное лицо светилось:

— Ты как настоящий охотник!

Я через силу улыбнулся. Охотник? Я был беглецом, лжецом, тенью. Их гильдия, их радость — это было как дом, ко-

торого у меня больше не было. Но я не мог остаться с ними, не раскрыв себя.

Тай предложил сыграть в прятки, и парк ожил весельем. Он закрыл глаза, считая, а мы разбежались. Лиска юркнула за колонну. Клек залез на дерево, ветки заскрипели под весом. Птах спрятался в траве у фонтана, хихикая так громко, что выдал себя. Сойка прижалась к стволу, серая рубаха сливалась с корой. Шепот исчез в кустах, тихо шагая. Я нырнул за камень, сердце колотилось. Я стал снова ребенком на болотах, прячущимся от отца в игре. Тай нашел Птаха первым, тот взвизгнул, и игра пошла быстрее. Лиска, оказавшаяся рядом, прошептала мне:

— Тэн, ты дышишь как кузнец! Замри, будто тень.

Я захихикал, и она ткнула меня в бок. Мы играли, пока не устали, и сели у фонтана, тяжело дыша. Птах, ковыряя траву, сказал:

— Тэн, а у тебя есть родные? Ну, знаешь… мама, папа?

Я замер, мучительно решая, говорить ли им правду. Их глаза — Тая, Лиски, даже Шепота — ждали. Сказать правду? Про реку, маму, что пела песни, отца, что учил ставить капканы? Про плакат, что называл меня убийцей? Я сглотнул, горло сжало, и соврал:

— Были. Давно. Жили в деревне, у реки. Мама пекла хлеб, отец… чинил сети. Обычная жизнь.

Лиска вздохнула, глаза заблестели:

— Хлеб? С корочкой? Я бы все отдала, чтобы еще раз по-

пробовать мамин хлеб. Моя мама… она умерла, когда я была маленькой. Я только помню, как она пахла цветами.

Клек фыркнул, голос тише:

— А мой отец был пьяницей. Бил меня, пока я не сбежал. Лучше тут, чем с ним.

Сойка, теребя травинку, шепнула:

— У меня была сестра. Ее забрали стражники. Не знаю, жива ли она.

Шепот молчал, сжимая в карманах кулаки, и я понял, что он не хочет говорить. Тай посмотрел на меня, веснушки будто светились:

— А ты? Как это — жить с родными? Расскажи еще.

Я сглотнул — ложь жгла мне горло. Я не мог сказать, что сбежал с болот, что люди лорда гнались за мной. Я выдумал:

— Ну… мы ловили рыбу. Отец учил плести сети. Мама рассказывала истории про звезды. Ночью мы сидели у костра, и все было… спокойно.

Тай лишь кивнул:

— Звучит как мечта. Я бы хотел такое. Может, когда-нибудь найду место, где никто не станет за мной гнаться.

Я опустил глаза — вина давила. Они делились правдой, а я лгал, боясь, что они узнают о «мальчишке-убийце». Их улыбки, их смех были настоящими, и я хотел быть с ними, даже если это значило врать. Ложь была ножом, вонзенным в их доверие, и каждый их взгляд резал глубже. Я был Тенью, но хотел быть Тэном — их Тэном, что кидает камни и ловит

лягушек.

Лиска, жуя травинку, рассказала, как стащила пирог у пекаря:

— Я пряталась под бочками, а пекарь топал сверху. Думала, сердце выскочит! Но пирог был того стоит — с яблоками, очень сладкий.

Клек хвастался, как обманул стражника, притворившись хромым:

— Он дал мне медяк, представляете? А я купил лепешку и ел ее на крыше.

Шепот молчал, но Тай шепнул:

— Он срезал кошель у купца. Он неразговорчивый, но я видел — он быстрее Лиски, когда захочет.

Я слушал истории, которые связывали их, как нити. Лиска предложила сыграть в «теней» — игру, где один стражник, а другие крадут «сокровище» — камень. Тай был стражником, закрыв глаза, а мы ползли по траве, стараясь не хрустеть листьями. Тай по звуку пытался понять, где мы, и время от времени тыкал палкой. Лиска стащила камень первой. Я попробовал, но Тай поймал меня за руку, и сироты захохотали:

— Тэн, ты как слон! — крикнула Лиска. — Учись у меня, я же королева воров!

Я засмеялся — их веселье было заразным. Про слонов мне рассказывали родители. Где-то там, на юге, эти великаны топтали землю своими ногами…

Шепот вдруг дернул Тая за рукав, и они о чем-то быст-

ро и тихо переговорили. Тай кивнул, и Шепот, не прощаясь, скользнул в переулок и исчез. Остальные, казалось, даже не заметили его ухода.

Мы играли, пока солнце не скользнуло к западу, и тени колонн удлинились, накрывая поляну. Тай вытащил сладкую булку, завернутую в тряпку, и разломил ее на всех. Тесто было мягким, с привкусом меда, и я жевал, слыша, как их слова, их смех обволакивают меня.

Тай хлопнул меня по плечу:

— Тэн, приходи завтра. Мы тут часто. Придешь?

Я замер на мгновение. В голове пронеслось предостережение Лорна, плакат с моим лицом, страх, что жил во мне с самого побега. Эти дети… они были слишком открытыми, слишком беззаботными. Дружба с ними — это риск. Любое неосторожное слово, любой косой взгляд стражника на нашу компанию мог привести к катастрофе. Я невольно мог отправить всех их в тюрьму или на плаху. Но потом я вспомнил смех, тепло, с которым они делили булку, простую радость от игры в прятки. Это было похоже на глоток свежего воздуха после затхлых туннелей гильдии. Горечь одиночества, постоянный страх — все это на миг отступило тут, в парке. Может, этот риск стоил того, чтобы хотя бы на время снова почувствовать себя ребенком, а не тенью.

Я кивнул, и улыбка, на этот раз искренняя, тронула мои губы. Они побежали в переулок, смеясь, голоса эхом отдавались от стен. Я повернул к гостинице Дарина, гулко шагая

по гравию. Улицы пустели, запах тухлой рыбы и дыма бил в нос, но я шел легче — радость сирот осталась со мной, пусть и смешанная с горечью лжи. Переулки Велграда давили: дома нависали, в тенях мелькали фигуры, что могли оказаться кем угодно.

С тяжелым сердцем я вошел в гостиницу. У стойки Дарина стоял Шепот. Парень показывал трактирщику горсть каких-то мелких побрякушек: потускневшее кольцо, обрывок цепочки, пару медных сережек. Бледное лицо Шепота блестело от пота, голос дрожал от заискивания:

— Это хорошее, Дарин. Может, хоть что-то приглянется? Хоть пару медяков за все…

Дарин хмуро разглядывал добычу, теребя связку ключей на поясе. Наконец он покачал головой:

— Ничего для меня интересного, парень. Но… — он протянул руку за стойку и достал небольшую, но свежую буханку хлеба. — Держи, угости друзей. За старания.

Дарин скользнул по мне взглядом, чуть нахмурившись, будто заметив мое удивленное лицо, но ничего не сказал.

Шепот просиял, благодарно схватил хлеб и, увидев меня, заговорщически подмигнул.

— Как дела? — спросил я его, когда он проходил мимо, стараясь, чтобы голос звучал обычно, хотя внутри все кипело от тревоги.

— О, Тэн, лучше не бывает! — зашептал он, оглядыва-

ясь на Дарина. — Представляешь, сегодня такой куш сорвал! Тай один амулет… ну, такой блестящий, со знаком лорда у одного… кхм… прохожего увел. Так вот, я его сегодня Пинеру сбыл! Торговцу с Рыночной площади. За пять медных монет! — Шепот просто сиял от гордости. — Пинер сказал, что такие вещицы в цене, вдруг кому из знати приглянется, или как оберег…

Кровь отхлынула от моего лица. Амулет… Так это все-таки Тай? Тот самый амулет, что пропал у меня в тот злополучный день на рыночной площади! Значит, Тай. И теперь этот амулет у Пинера! Если этот Пинер связан с Гедриком или городской стражей… если они начнут расспрашивать, откуда у мальчишки-вора такой амулет… Цепочка может привести к сиротам, а потом и ко мне. Плакат с моим лицом все еще висел в пещере, напоминая о том, кто я. Я сглотнул, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Голова шла кругом от одной этой мысли.

Дарин, протиравший стойку, бросил на меня еще один короткий, острый взгляд, потом на Шепота, и едва заметно покачал головой, как бы говоря: «Меньше болтай, малец». Затем он громче добавил, обращаясь к Шепоту:

— Ну, разбогател, так иди, не задерживайся. Дела.

Шепот, ничего не поняв, радостно кивнул и выскочил на улицу, прижимая к себе хлеб.

Я же стоял, будто оглушенный. Что делать? Я чувствовал себя загнанным в угол.

Я спустился в пещеру, едва сдерживая дрожь в ногах. Костер потрескивал, свет отражался на стенах.

Крот сидел у огня, ковыряя его палкой. Я подошел к стене, слыша легкий шелест желтых бумажных листов. Мой плакат — «мальчишка-убийца» — горел свежими чернилами, но я смотрел дальше, на тех, кто ошибся и был казнен за это, повешен или заживо похоронен гнить в тюремной камере.

И вдруг дыхание перехватило, будто кто-то сжал горло. Я заметил потрепанный лист с рваными углами. В густом полумраке пещеры, где даже костер не давал достаточно света, я видел его так ясно, словно он висел под полуденным солнцем. Чернила выцвели, но лица я узнал сразу. Мама с папой. Мамины мягкие скулы, папины суровые брови — были те же, что и на рисунке в доме травницы. Я видел каждую черточку, каждую нить на их одежде, нарисованную грубыми штрихами. Они смотрели прямо на меня, будто живые. Надпись под ними, полустертая, но знакомая: «Разыскиваются на территории Солверии и других государств. Женщина, Мариэль из рода Лейн, должна быть доставлена живой в королевский дворец Солверии. Мужчина, паладин Габриэль из ордена Черного Креста, разыскивается за предательство. Доставить живым или мертвым. Награда: 500 золотых за женщину, 200 за паладина.».

Они здесь, в пещере, среди воров. Как? Почему? Я стоял, пригвожденный к месту, не в силах отвести взгляд. Воз-

дух будто сгустился, шум костра и бормотание воров отдалились, остался только шелест этого старого, потрепанного листа бумаги.

— Чего уставился, парень? — раздался скрипучий голос Крота. — Призрака увидел?

Я вздрогнул. Обернувшись, я увидел, что старый вор смотрит на меня своими маленькими, проницательными глазками. Я поспешно отвернулся от стены, сердце колотилось где-то в горле.

— Просто… задумался, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не зевай, дольше проживешь, — проворчал он и отвернулся. Но я чувствовал недоверие в его взгляде.

Лорн вошел в пещеру, нашел меня глазами и кивнул. Он остановился у костра, откидывая тень на плакаты, будто поглощая их. Игла, сидя на ящике, была поглощена чтением какой-то книги. Ее худое лицо время от времени трогала легкая улыбка. Рядом, у стены, Гвоздь — старый вор с сединой в бороде и шрамом через бровь — что-то жевал, щурясь от света костра. Лорн посмотрел на них и твердо произнес:

— Игла, Гвоздь. Есть дело. Сегодня в «Ржавом Кувшине» вас ждет торговец. Зовут Келл. Он хочет что-то обсудить, но не знаю, что именно. Гвоздь, ты ведешь разговор. Выясни, что ему надо, и не давай обещаний. Игла, ты страхуешь — следи за стражей, гвардейцами, любым, кто слишком близко сунется.

Игла подняла глаза, захлопнув книгу, и фыркнула:

— Келл? Этот жирный боров опять что-то мутит? Лорн, если он хочет нас подставить, я его прирежу раньше, чем стража объявится.

Лорн покачал головой, усмехнувшись:

— Без крови, Игла. Следи за тенями, ты это умеешь лучше всех. Если что не понравится — сразу предупреди Гвоздя и сваливайте.

Гвоздь прогундосил, отбросив кость в огонь:

— Келл — скользкий, как угорь. Говорить он любит, но серьезными делами занимается редко. Я выясню, что у него на уме. Только, Лорн, ты же знаешь, что происходит в городе. Если там окажется стража, то мы можем закончить в петле.

Лорн кивнул:

— Гедрика там не будет. Мне так сказали. Но если что-то пойдет не так, уходите через черный ход, он будет сегодня открыт. И поспрашивайте о Лине. Не помню, чтобы она раньше пропадала, не предупредив.

При упоминании ее имени я вздрогнул. И правда — я давно не видел Лину в пещере. Она была одной из немногих, кто старался поддержать меня с самого начала. Я начал вглядываться в лица воров у костра, но ее светлых волос нигде не было. Женщин тут и так было всего две: Лина и Игла. А остальные ничем не походили на улыбчивую молодую девушку.

Игла крякнула, пряча нож в сапог. Гвоздь кивнул, шрам

дернулся, когда он усмехнулся:

— «Ржавый Кувшин», значит? Пахнет там хуже, чем в этой пещере, но дело есть дело.

Лорн повернулся, его плащ зашуршал, и он исчез в тунеле. Игла и Гвоздь мрачно переглянулись, но их глаза были полны азарта. Я смотрел на них — гильдия жила, дышала, плела интриги, а я был лишь ниткой в паутине.

Я лег на койку, стараясь успокоить мысли. Тай, Лиска, их смех — все это было настоящим и живым, но они — часть другой семьи, которую по дурацкой прихоти тоже зовут «гильдия». Я был лишь Тенью, а тени не держат друзей. И все же я хотел вернуться к ним. Хоть на день…

Глава 4 — Кости и тайны

Костер едва тлел. Дрожащие на стенах пещеры тени вырисовывали причудливые фигуры, казалось, они перешептывались о людях, чьи лица смотрели с грубого камня. Сегодня было особенно сыро. Солома на полу хрустела под сапогами, смешиваясь с грязью. Тяжелый запах плесени и дыма висел в воздухе, перебиваемый бормотанием ворочавшихся на койках воров. Магистр стоял у выхода. Он кивнул мне, и резкий голос прорезал утреннюю тишину:

— Тень, быстро за мной.

Он дождался, пока я поднимусь и подойду. Я шагнул в туннель, пробираясь к выходу.

Мы поднялись на поверхность. Лорн обогнал меня и уверенно зашагал по улице. Вскоре он свернул в узкий переулок. Здесь высокие дома почти смыкались, скрывая небо и оставляя лишь тонкую полоску серого света. Издалека доносился уличный гвалт: скрипели телеги, выкрикивали что-то хриплыми голосами торговцы. Я натянул капюшон глубже, опасаясь быть узнанным, но спешившие мимо прохожие не обращали внимания на мальчишку в потрепанном плаще. Волосы начинали отрастать, так что я ждал, когда они решат меня обкорнать еще раз.

Лорн толкнул дверь лавки. Она заскрипела, выдавая наше присутствие. В нос ударил резкий смешанный запах се-

ры, трав, едкого железа и дыма из курильницы, тлевшей в углу. Пол скрипел под ногами. Полки ломились от склянок с мутными жидкостями и порошками, поблескивавшими в полумраке. Вирт, тощий алхимик с длинными, узловатыми пальцами, перетирал что-то в ступке. Заметив Лорна, он оторвался от работы, и его морщинистое лицо озарила хитрая усмешка.

— Лорн, — хрипнул он, откладывая пестик. — Что-то принес?

Лорн бросил мешок на стол. Белые, зазубренные, острые кости горта со звяканьем высыпались на дерево. При виде их у меня перехватило горло — эти кости мы когда-то везли с отцом в рыбацкую деревню. Вирт низко склонился над костями, внимательно их разглядывая, его глаза сощурились, точно он читал тайные письмена.

— Им несколько месяцев, — сообщил Лорн. — Назови цену.

Вирт провел желтым ногтем по острому краю одной из костей, и его глаза хищно блеснули.

— Редкость, — протянул он. — Горт к людям не лезет. Двадцать золотых.

Лорн скрестил руки на груди, усмехнувшись:

— Сорок, Вирт. Ты, думаю, подозреваешь, сколько крови за них пролито.

Алхимик фыркнул, но его взгляд тут же метнулся ко мне, цепкий, изучающий.

— Малец твой любопытен, — сказал он, понизив голос. — На склянки мои пялится, словно на сокровища. Он хоть понимает, зачем эти кости?

Я сглотнул, чувствуя, как кровь бросилась в лицо. Я во все глаза смотрел на лавку — в подобном месте когда-то работала и моя мама. Правда, она описывала все иначе. В ее рассказах места для работы было больше, как и солнечного света. Я с интересом рассматривал реторту, которая была меньше той, что была спрятана в углу нашей хижины. Ступки, пестики, перегонные кубы и кальцинаторы — все это, скорее всего, было тут, но я не знал, как большинство из этих инструментов выглядят на самом деле.

Вирт шагнул ближе, его шепот стал ниже, приобретая зловещие нотки:

— Алхимия — это сила, мальчик. Смешай правильно, и слабак быка на плечи взвалит. Или станет твердым как камень. Эти кости горта… — Он взял одну, поднес к тусклому свету масляной лампы. — Из них я сварю зелье, которое превратит солдат Равангара в непобедимых воинов. Велград мне почти ничего не приносит. Все, что я создаю, уходит в столицу, для королевских войск. Война с Солверией не за горами, и король желает, чтобы его армия рвала врагов, как горт крестьянского сынка. Одна щепотка этого порошка в отваре — и солдат не почувствует боли, не будет знать усталости. Десяток таких воинов сметут сотню.

Я вспомнил мамины отвары, ее умелые, осторожные паль-

цы над кипящим котлом. Ее зелья лечили нас, а не отнимали жизни. Я спросил, и голос мой предательски дрогнул:

— А руны? Они тоже часть алхимии?

Вирт пренебрежительно отмахнулся.

— Руны — забавы магов, возомнивших себя богами. Алхимия куда надежней. С ней я не рискую, что какой-нибудь демон утащит мою душу в преисподнюю. Тридцать монет.

Он бросил на стол мешочек с монетами, словно цена была решена заранее. Лорн кивнул, забрал деньги, и мы вышли под скрип протестующей двери. Я плотнее запахнул плащ, нащупывая под рубахой мешочек с семенами. Они оставались теплыми, словно живое сердце. Слова алхимика о войне и солдатах эхом отдавались в голове. Равангар готовился к войне, и я, вор, невольно становился частью этого.

Я видел, как это просто — стать жертвой воровства. За время тренировок удача улыбнулась мне дважды.

Рыночная толпа бурлила, напоминала реку в половодье. Торговки надрывали глотки, их крикливые голоса резали воздух. Под их ногами сновали дети. Стражники мэра в серых плащах стояли начеку, высматривая воров. Ветка, чьи глаза недобро блестели, кивнул мне. Он стоял у телеги с рыбой. Хмурый Нут ткнул пальцем в сторону пьяного кузнеца. Тот шатался возле своей повозки, горланя песню. Его кошелек оттягивал пояс, призывно покачиваясь.

— Смотри, как он стоит, — шепнул Ветка. Его голос был

почти не слышен в общем гуле. — Пьян и неуклюж. Видишь, пояс почти расстегнулся? Это твой шанс, Тень. Двигайся быстро, но плавно, скользи тенью по стене.

Я сглотнул. Сердце забилось чаще. «Пальцы должны быть мягкими, как перья», — учила Лиска. Я шагнул вперед, прижимаясь к телеге. В нос ударила вонь тухлой рыбы. Кузнец громко рыгнул, споткнулся о камень. Я метнулся ближе, нож легко чиркнул по шнурку. Кошелек — холодный и увесистый — лег в мою ладонь. Я отступил, растворяясь в толпе. Я с опаской ждал крика, топота ног, но сзади было тихо. Ничего не замечая, кузнец все еще хлопал себя по бокам.

Ветка хмыкнул. В его взгляде мелькнуло одобрение.

— Неплохо, малец, — буркнул он. — Но не расслабляйся. Стража нынче лютая. И тут, на рынке, и вообще. Один неверный шаг — и ты попался…

Он осекся, но я понял, о ком он. Плакаты с лицами казненных преступников в пещере служили постоянным напоминанием. Страх, что стража узнает меня, не отпускал меня ни на миг. Я плотнее натянул капюшон, ощущая под рубахой тепло маминого мешочка с семенами.

Второй раз состоялся на площади, где воздух был пропитан ароматами лаванды и мяты от телег с травами. Нут указал на старуху. Та яростно спорила с покупателем, ее скрюченные пальцы стискивали пучок трав. Легкий кошелек беззащитно свисал у нее с пояса.

— Наблюдай, — низким голосом произнес Нут. — Она отвлечена. Видишь, куда народ валит? Используй их как прикрытие. Но если заметят — беги.

Я кивнул. Вспомнились слова Вирта о войне. Равангар готовился к боевым действиям, и стража выискивала не только воров, но и шпионов Солверии. Я скользнул в толпу. Шаги мои были легкими, почти как у Лиски. Нож легонько прошел по веревке, и кошелек исчез в моем кармане. Но старуха резко обернулась, ее пронзительный крик полоснул по ушам:

— Вор! Держите Вора!

Толпа загудела. Стражник в сером плаще, стоящий в двадцати шагах от меня, развернулся, его ястребиные глаза впились в меня. Я нырнул за телегу, сердце бешено колотилось. Ветка схватил меня за локоть, рывком увлекая в ближайший переулок. Мы затаились за несколькими выставленными друг на друга ящиками, пока мимо не прогрохотали тяжелые сапоги стражника.

— Слишком шумно, — прошипел Ветка. — Но ты учишься. Еще пара таких вылазок, и Моль прикусит язык. Только не задавайся, ты должен всегда планировать наперед и глупо не рисковать.

Успех пьянил, но страх быть узнанным был холоднее льда. Я учился быть тенью, но каждый шаг, казалось, приближал меня к свету — и к Гедрику.

В пещере было громко. Моль орал на Нута, тыча в него

пальцем:

— Ленивый слизняк! Пока я работал, ты дрых!

Нут отшатнулся, сжимая кулаки:

— Заткнись! Я вчера три кошеля принес!

Моль толкнул его к стене. Плакаты с лицами моих родителей на мгновение ожили, зашуршав от движения воздуха. Крот шагнул между спорщиками, с силой стукнув палкой о земляной пол:

— Хватит! Моль, остынь. — Он ткнул палкой в один из плакатов. — Стража землю роет, ищет шпионов Солверии. Гедрик скупщиков трясет, по всем лавкам шмонает. Хотите на виселицу? Сейчас не до ваших дурацких турниров. Не время подставляться ради спора. Лина так и не вернулась! Да! Теперь это точно. Ее уже несколько дней никто не видел. Мы поспрашивали у стражи — ее не задерживали. Горан согласился пройти по всем камерам в городской тюрьме, куда гвардейцы людей в последние дни бросали — нет Лины. А она с нами лет восемь уже. И на дело бы она одна не пошла, не предупредив…

В пещере разом все замолчали. Моль и Нут разошлись по разным углам, потупя взгляды. Я же снова посмотрел на знакомые лица: «Мариэль из рода Лейн… Габриэль из ордена Черного Креста». Почему их разыскивают? Что они совершили?

Я сидел в углу гостиницы, уплетая тушеные овощи с мя-

сом. Дарин, хозяин, кивнул мне и пробурчал, что ужин сегодня немного задержится. Вскоре вошел Лорн и присел у стойки рядом с Дарином. Они говорили тихо, но я напрягал слух, стараясь не упустить ни слова.

— Гедрик допрашивает скупщиков, — хмуро сообщил Дарин. — Вчера трясли Пинера, сегодня добрались до старьевщика Квима. Ищут связи с Солверией, какого-то мальчишку-шпиона и амулет, недавно появившийся на рынке. Говорят, шпион мог его использовать.

Лорн кивнул, лицо его было серьезным.

— И что Пинер?

— Трясется, но молчит, — ответил Дарин. — Сам знаешь, он с нами не работал, однако Гедрик копает все глубже. Скупщики напуганы, боятся, что их лавки разнесут при малейшем подозрении в связях со шпионами. А еще поговаривают, будто король выпустил всех преступников из тюрем Велграда. Всем, кто согласился взять в руки меч, — даровали свободу и отправили в столицу, в армию. Люди опасаются, что эти головорезы вернутся, и тогда станет еще хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.